

Почему я до сих пор христианин¹

Королевский колледж, Лондон

6 февраля 1985 г.

Вопрос, который передо мной поставили — почему я до сих пор христианин. И отвечаю я на него так же, как один французский писатель нашего столетия, который написал книгу под названием «Бог существует: я Его встретил». Я христианин потому, что в моем опыте была встреча с воскресшим и, следовательно, живым Христом. Мой жизненный опыт связан с тяжелым, жестоким периодом европейской истории — Первой мировой войной, русской революцией и ее последствиями, годами эмиграции, которые были временем насилия, голода, страха, физических и душевных страданий, неприкаянности. У меня не было возможности научиться каким-либо представлениям о Боге или религии. Я не был атеистом по убеждению, просто Бога для меня не существовало, я никогда не встречал Его, Он не играл в моей жизни никакой роли.

А потом я Его встретил. Я Его встретил в тот момент, когда и не думал искать этой встречи. Я был подростком; жизнь казалась мне таким тяжким бременем, что я решил: если в течение года не найду в ней смысла, который бы превосходил наполнявшие ее ужас, страх, боль, голод, неприкаянность, то покончу с собой. Вдобавок ко всему я попал на лекцию одного замечательного священника, который, наверное, никогда до этого не говорил о Боге с мальчиками моего возраста. И то, что он рассказал нам о Евангелие и о Христе, так глубоко меня задело, так возмутило, что я решил проверить, правда ли все это; и если Бог, Христос и Евангелие таковы, как он описал, покончить с ними навсегда.

Я вернулся домой; поскольку я был мальчиком смышленным, то сначала посмотрел, какое из Евангелий самое короткое — им оказалось Евангелие от Марка. Я начал читать. И тут что-то произошло; возможно, это был первый приступ болезни, которая превратила меня в душевнобольного, каким меня считает генеральный секретарь Гуманистического общества. Где-то между началом первой и концом второй главы я вдруг явственно ощутил чье-то присутствие на другом конце стола. Я поднял глаза от книги. Я никого не увидел, ничего не услышал, не было никакого видения или другого чувственного ощущения, но в одном я был уверен абсолютно: я знал, что по ту сторону стола стоит живой Господь Иисус Христос, о Котором я начал читать, и раз Он жив, значит, все, что я о Нем прочел, правда. Если Он живой здесь стоит, значит, Он действительно был распят и воскрес; значит, Он действительно Сын Божий, Который по непостижимой любви стал Сыном Человеческим для спасения мира. Я не мог себе объяснить Его любовь, но она поставила меня перед фактом существования любящего

¹ Перевод с английского Анастасии Кирилловой под редакцией Елены Майданович. Опубликовано в брошюре «Ради чего» (М., 2015. С. 15–23).

Бога — такого Бога, Который любит ценой Своей жизни и смерти, ценой полного самопожертвования. До этого я знал любовь между мною и моими родителями, любовь в очень узком домашнем кругу, но я также знал и чувствовал каждой клеточкой тела, всеми фибрами души, что окружающий мир — это джунгли, что всякий человек может быть опасен, и единственный способ выжить — это стать твердым как сталь, непроницаемым, непробиваемым. И вдруг я сталкиваюсь с Богом, Который целый мир создал по Своей любви. Листая страницы Нового Завета, я почти сразу попал на отрывок из Евангелия от Матфея, где говорится, что Бог изливает Свой свет на добрых и на злых. Я в тот момент подумал: «Если Бог может одинаково любить добрых и злых — первых, возможно, радостно, а вторых — распинаемой жертвенной любовью, значит, если я хочу быть с Ним, я должен научиться любить на тех же условиях».

И я помню, как на следующее утро я вышел из дома (мы в то время жили в пригороде Парижа), посмотрел на людей, спешащих на железнодорожную станцию, и сказал себе: «Бог создал их всех Своей любовью, Он любит каждого из них, с болью или радостью, но Он их всех любит — значит, и я буду их любить любой ценой, и что бы они мне ни сделали, я себе никогда не позволю их не любить». Это чувство было такой силы, что я помню, как, зажатый посреди взрослых в битком набитом вагоне, я, 14- или 15-летний мальчишка, с трудом повернулся к своему соседу (до сих пор его помню: смуглый низкорослый господин с черными усами и довольно суровым выражением лица) и сказал: «Вы читали Евангелие? Вы знаете, что Бог вас любит?» Он посмотрел на меня с таким же выражением, как тот джентльмен из Гуманистического общества. Он ни слова не произнес, но было понятно, что он подумал. Вот так произошла моя встреча со Христом.

Когда я говорю, что верую во Христа, я не имею в виду, что моя бабушка, мама или кто-то другой рассказали мне про Него нечто убедительное, или что я был эмоционально укоренен в церковной традиции. Я верую во Христа потому, что я Его встретил живого и потому, что Он преобразил мою жизнь. Преобразил не в том смысле, что я стал хорошим человеком, но помимо обычных измерений нашего мира — времени и пространства — для меня как бы открылось третье измерение глубины, вечности, любви.

Затем я продолжил читать Евангелие и сделал еще одно открытие, связанное с притчей о блудном сыне. Я обнаружил в ней нечто, что меня глубоко поразило. Вы, вероятно, помните (сейчас, конечно, у меня нет возможности пересказать всю притчу), как блудный сын возвращается домой и по пути повторяет про себя покаянные слова, которые он собирается сказать отцу: «Отче, я согрешил против неба и пред тобою и уже недостойн называться сыном твоим; прими меня в число наемников твоих». Вы когда-нибудь обращали внимание на то, что в евангельском тексте отец не дает сыну закончить эту последнюю фразу? Этим он как бы говорит: да, ты недостойн, но ты не можешь восстановить со мной истинные отношения, если

только это не будут отношения отца и сына (или дочери, если говорить более обобщенно). Ты можешь мне быть только достойным или недостойным сыном или дочерью. Никаким способом, никаким усилием ты не можешь стать достойным слугой, рабом или наемником.

И здесь я увидел, что мы призваны Богом к величию — быть не кем иным, как сыновьями и дочерьми Бога Живого. Образ этого величия можно увидеть в Господе Иисусе Христе, Который был в полном и совершенном смысле человеком, поскольку Он одновременно был Богом, а истинный человек — это тот, кто, по слову Священного Писания, стал причастником Божественной природы, кто привился ко Христу, исполнился Духом Святым и кто благодаря чуду Божией любви и принятия, взаимного, двустороннего принятия веры и жертвенной любви, стал единокровным сыном Божиим в Единородном Сыне Божиим. Эта мысль принадлежит св. Иринею Лионскому, который жил во II в. н.э. Это было второе мое открытие: Бог не хочет, чтобы мы были Ему рабами или наемными слугами; Он призывает нас к величию богосыновства, Он хочет, чтобы мы вступили с Ним в такие отношения, в которых пребывал и вечно пребывает с Ним Его Сын Единородный.

Затем я обнаружил еще одну важнейшую вещь — далеко не сразу, а по мере вчитывания в Евангелие, по мере взросления и вырастания в более широкий и, возможно, глубокий опыт Евангелия и христианства; и вещь эта меня глубоко поразила. Бог величественных храмов, Которого Ветхий Завет называет Богом Израилевым, непостижимый, недостижимый Бог становится человеком. Западный мистик Ангелус Силезиус, который писал по-немецки, выразился так: «Я так же велик, как Бог, Он так же мал, как я». Бог достаточно велик, чтобы стать одним из нас, и Он есть сама любовь: по любви к нам Он захотел стать уязвимым, беспомощным, отдаться в наши руки, как отдается любовь в руки возлюбленного, и именно это мы видим в Младенце из Вифлеема — Он уязвим, беспомощен, беззащитен, Он как бы говорит миру: «Я пришел ради вас, делайте со Мной, что хотите, но Моя любовь к вам никогда не поколеблется». Вот что в тот момент означало для меня Боговоплощение. И в то же время в моих глазах такой Бог намного более велик, чем просто Бог, обитающий на небесах, всемогущий и вззирающий на Землю с безопасного расстояния.

И здесь я хочу сказать нечто крайне для меня важное. Если бы Бог создал этот мир и вызвал нас из небытия, не спросив нашего желания, если бы Он дал своему творению, а именно нам, людям, свободу — свободу принимать Его или отвергать, любить или ненавидеть, выбирать между Ним и сатаной, выбирать между жизнью и смертью, а потом ждал бы нас по ту сторону бытия, чтобы судить нас: «Ты неправильно распорядился свободой, которую Я дал тебе, ты оказался недостойн Моего акта творения — ступай в ад и будь проклят» (и я употребляю эти выражения в богословском, а не обиходно-разговорном смысле) — такого Бога можно было бы бояться, может быть, даже любить, пока трагедия не коснулась тебя лично, но

Его никак нельзя было бы уважать. Но в Иисусе Христе я открыл Бога, Который берет на Себя полную ответственность за Свой акт творения, за свободу, дарованную Им людям, и за все последствия того, как мы этим даром распоряжаемся, причем последствия не только для нас, но и для Него Самого — а главное последствие в том, что Он отдает Своего Единородного Сына на смерть ради нашего спасения.

Произошедшее на Голгофе меня поразило, и я с глубоким волнением услышал слова Христа, которые Он произнес перед смертью: «Боже Мой, Боже Мой! для чего Ты Меня оставил?» Это момент, когда Христос в Своем человеческом сознании утрачивает чувство того, что Он — Сын Божий. Конечно, не в том смысле, что Он перестает Им быть: это, как кто-то выразился, своего рода метафизической обморок. Он на какой-то момент теряет из виду, Кем Он является, как и мы сами очень часто теряем из виду нашу честь, наше достоинство и наше призвание. И это было для меня открытием колоссальной важности, потому что я увидел следующее: вот Бог, Который пришел в этот мир во имя Отца, чтобы возвестить правду жизни, величие человека, чтобы раскрыть перед человеком его грех и стать для него путем спасения; вот Бог, Который до такой степени предан Отцу, что соглашается принять отвержение, ненависть и смерть от рук всех тех, кто не готов слушаться своего Господа — то есть жадно и трепетно вслушиваться в слова Того, Кто их возлюбил, Кто был их Спаситель и Создатель. И в то же самое время Христос, воплощенный Бог, избрал такую полную и всецелую солидарность с человеком, что Он предстоит Отцу как один из нас, не просто будучи человеком по воплощению, но и разделяя с нами все страдания человеческой жизни: голод и жажду, усталость, отверженность, предательство — и еще кое-что, намного более страшное. Он разделяет с нами потерю Бога, в которой корень всего ужаса человеческого существования, причина искаженности изначально совершенного мира, смерти, страдания, страха, жадности, ненависти, всех разрушительных стихий. Бог до такой степени близок к нам, что становится одним из нас и разделяет с нами все последствия человеческого греха, в том числе смерть — потому что убить может только потеря Бога. Я почувствовал — да, Такого Бога я могу уважать, Таким Богом я могу восхищаться. Такой Бог имеет право сказать: «Я дал тебе пример, чтобы ты ему следовал». Такой Бог открывается нам не только как Творец, вызвавший весь мир из небытия Своей любовью. Он открывает нам, кем является для Него каждый человек: Его возлюбленным — а, значит, тем, кого можно любить любой ценой. Я опытно пережил это на войне и в тот момент, когда меня арестовали как участника французского Сопротивления: я понял, что нельзя ненавидеть, можно только сострадать, только любить, быть готовым отдать свою жизнь за другого, чтобы в этот момент сказать: «Отче! прости им, ибо не ведают, что творят».

В такого Бога я верю, в такой мир я верю, и именно поэтому я стал христианином — потому что я встретил живого Христа; и я продолжаю оставаться христианином потому, что не только в этой первой встрече с Ним, но и в результате долгих лет (уже почти 60 лет) напряженных раздумий в условиях нашей сложной, трагической современности, я пришел к выводу: да, вера в Бога совершенно оправдана, Ему можно верить, и я всю жизнь могу стоять в этой вере.